

Основано в 1866 г.

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало 1860-х — 1880-е — время, когда выходят исторические романы А. К. Толстого, А. Ф. Писемского, Е. А. Салиаса, Вс. С. Соловьева, — совпадает с началом новой волны русской исторической романистики. Авторы оглядывались на предшественников, учитывали их как старших учителей, с которым принято считаться, но по возможности отступали и заявляли свою самостоятельность, возвращая жанру утраченную популярность. Изменился в первую очередь политический контекст; отношение и понимание истории стало другим.

Возвращение исторического романа совпало со временем, прошедшим «под знаком катастрофы». «Когда в феврале 1855 года умер Николай Павлович, передав сыну «команду не в добром порядке», положение России было ужасно. Если почитать мемуары и письма того времени, — они все исполнены мучительной тревоги, возмущения и смятения.. вся Европа, вооруженная и озлобленная была против России, ... внутри страны.. не было никакого доверия к правительству...»¹. Действительно, Россия пережила тяжелейший политический кризис — Крымскую войну, повлекшую за собой череду потрясений и разочарований, попытки реформирования государственного устройства, крестьянскую эмансипацию, томительное и трудное разрушение системы крепостного рабства, взорвавшее сословную устойчивость России; а следом реформы — земская, городская, судебная, введение всеобщей воинской повинности — краткий «медовый месяц» интеллигенции и власти, сменившийся разрывом и ненавистью; первые «толчки» революционного гула, подпольная Россия, петербургские пожары, польский мятеж 1863–1864, все возрастающая сложность внутренней жизни при усилении военной колонизации в Средней Азии, на Дальнем Востоке, замирение с Кавказом, ревность Европы к российским успехам, прославянское движение русских, наконец, трудная война с Турцией 1877 на два фронта — европейский и азиатский, огромные жертвы в Плевне, тщетность успехов и жертв, потеря достигнутого, опротестованный Англией и Австрией Сан-Стефанский договор, Бер-

¹ Чулков Георгий. Императоры России. Психологические портреты. М. Слово/Slovo. 2003. С. 304.

линский конгресс 1878 года, отнявший российскую победу, — как послесловие — изоляция России, недовольство балканских народов, еще больше расшатывавшее империю, умственное брожение и нигилизм, полная беспринципность, охватившая все слои общества и правительство. «Богатыри, не вы», измельчание нынешних — вот штамп, клише, идеологический лейтмотив сравнения настоящего с ушедшими героическими эпохами, в которых действовали крупные личности. К этому перечню следует добавить семь покушений на Александра II, паническую растерянность власти, измотанность политической лихорадкой, всплески народовольческого террора, сменившегося весной 1880 года «оттепелью» Лорис-Меликова, снятием министра народного просвещения Д. А. Толстого, усилением и затем ослаблением цензуры. «Первое марта» — случайный удавшийся итог семи предшествовавших покушений, сорвавшихся случайно, начало неостановимого кризиса, тринадцатилетнее пребывание у власти Александра III лишь на краткое — «тихое и мертвое» — время замедлило крах. «...Россия через двести лет после Петра, растерявшая столько надежд... Огромно, могуче, некрасиво, безобразно даже... Конь уперся... Голова упрямая и глупая... Конь не понимает, куда его понукают. Да и не хочет никуда идти. Конь — ужасный либерал: головой ни взад, ни вперед, ни в бок. «Дайте реформу, без этого не шевельнусь» — «Будет тебе реформа!»... Хвоста нет, хвост отъеден у этой умницы... Громадное туловище с бочищами, с брюшищем, каких решительно ни у одной лошади нет... Бог знает что... Помесь из осла, лошади и с примесью коровы... «Не затанцует». Да, такая не затанцует; и, как мундштук ни давит в нёбо, «матушка Русь» решительно не умеет танцевать ни по чьей указке, и ни под какую музыку... Конь, очевидно, не понимает Всадника... предполагая в нем «злой умысел» всадить его в яму, уронить в пропасть... Так все это и остановилось, уперлось...»¹, — писал В. В. Розанов об эпохе Александра III.

Катастрофические процессы, гибельные ли, победные, чем стремительней они развивались, тем настоятельней требовали постоянного осмысления, вызвавшего интенсивный взаимообмен идеями, текстами, авторами в литературе, публицистике, науке, образовательной сфере, журналистике. В 1860–1880-х начинается активное «поглощение» романной продукции прессой, взаимная ассимиляция романа и печати; уход исторического романа в журнал, приспособление журнальной формы к периодическому контексту, объему, ритму и структуре. Исторический роман оказался заново востребованным в эпоху «развитого

¹ *Розанов В. В.* (под псевдонимом В. Варварин). К открытию памятника Государю Александру III // *Русское слово*. 1909. 23 октября. С. 3.

журнализма», его жанровая шлифовка, «количественные и качественные показатели» нередко напрямую зависели от жестких условий литературной конкуренции и потребностей журналистики. Журналистская беллетризация истории раскрывала свой потенциал, прощупывала границы, риски. История как газетный материал предъявляла авторам и читателям свои новые права.

В союзе Истории, Литературы и Журналистики соединились элементы философско-психологического, биографического романа, воспитания, фрагменты криминальной хроники, любовные, бульварные черты, — словом, все, что так охотно потреблялось журналистикой, особенно еженедельными иллюстрированными изданиями, в которых тоже нередко публиковались исторические сюжеты.

Чрезвычайная, почти «агрессивная» плодovitость исторических беллетристов, как мы можем наблюдать, способствовала их личному коммерческому успеху и тому, что в этом секторе книжного рынка в 1870–1900-х годах вращались немалые средства.

Романы Салиаса или Вс.Соловьева пользовались популярностью у читателей и печатались из номера в номер в течение трех, пяти, семи месяцев подряд — в среднем не менее полугода. Читали не просто очередной сюжет про историческое событие или героев, а именно версию А.К. Толстого, Салиаса, Писемского, Соловьева. Имена узнавались. Фавориты публики получали преференции, диктовали свои правила на рынке. В этот период трансляция через прессу позволила роману стать любимой рубрикой, «журналом в журнале», одним из основных способов описания современности и формирования политической журнальной «повестки дня» и злободневного комментария. Романисты видели исторические события сквозь призму своего времени. Так, А.К. Толстой, полемизируя со своим предшественником Загоскиным, сознательно строил свою философию истории, показал драматические события царствования Ивана Грозного, бездействие и пассивное приятие зла жертв самодурной власти как пролог катастрофы Смутного времени. «Если может быть извинение Иоанну, то его следует искать в сообщничестве всей России», — писал Толстой. И эти авторские слова несут на себе печать 1860-х годов. В том, как строились исторические декорации романа «Масоны», в самом обращении к теме различался острый разлад со своей эпохой.

Интенсивность пополнения романной «библиотеки» к середине 19 века очень высока, и можно говорить о том, что в эти десятилетия складываются авторские серии исторических романов как метабиблиотеки. В этих романских циклах есть все: и мифологический вымысел, историографический анализ с тщательной проработкой фактуры, научная, литературная, публицистическая мотивация обращения

к историческому пласту, философия истории в ее динамике, синтез случая и факта, историческая закономерность и интрига, авантюры. Этот «оркестр» уживается либо в одном сочинении, либо в «романической серии», вышедшей из-под пера одного и того же автора. Поэтому столь трудно «прописать» романиста по какому-либо определенному разряду, закрепить за ним определенное место. Занимательная энциклопедичность, просветительство и назидательную развлекательность необходимо иметь в виду в попытках составить путеводитель по именованным библиотекам и авторским книжным полкам.

Если попытаться составить «портрет» главных «фондообразователей» этих библиотек, исторических беллетристов «второй волны», то среди прочих мелких и крупных, случайных и преходящих черт остается все же несколько объединяющих положений. К ним можно отнести прежде всего «три линии»:

- судьба, биография как роман;
- сотрудничество с журналистикой;
- обращение к предшественникам (Карамзину, Загоскину) и контакты с литературными мэтрами, прежде всего Толстым и Достоевским.

Личная история, семейная ли, текущая, бытовая так или иначе нередко прочитываются в художественных текстах; в случае исторических беллетристов собственная биография, корни, связи эксплуатировались как романский ресурс.

Литературное поколение 1870–1880-х — в основном литераторы, журналисты, ученые. Салиас и Вс. Соловьев, наверное, полнее прочих воплотили эти качества и максимально использовали литературно-академическое наследие, «нематериальные» родовые активы.

Елена Пенская

МАСОНЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Зима 1835 года была очень холодная; на небе каждый вечер видели большую комету¹ с длинным хвостом; в обществе ходили разные тревожные слухи о том, что с Польшей будет снова война, что появилась повальная болезнь — грипп, от которой много умирало, и что, наконец, были пойманы и посажены в острог несколько пророков, предвещавших скорое преставление света. В крещение холод дошел до 25 градусов. Луна, несмотря что подернута была морозным туманом, освещала довольно ясно пустынные улицы одного из губернских городов. По главной улице этого города быстро ехала щегольская тройка в пошевнях. Коренная, кровный рысак, шла крупной рысью, а пристяжные скакали, держа голову около самой земли. Кучер стоял в передке на ногах и едва удерживал натянутыми, как струны, вожжами разгорячившихся лошадей. На барском месте в пошевнях² сидел очень маленького роста мужчина, закутанный в медвежью шубу, с лицом, гордо приподнятым вверх, с голубыми глазами, тоже закинутыми к небесам, и с небольшими, торчащими, как у таракана, усиками, — точно он весь стремился упорхнуть куда-то ввысь. Лет маленькому господину было около пятидесяти. У подъезда большого каменного дома, ярко освещенного во всех окнах, кучер остановил лошадей. Маленький господин, выскочив из пошевней и почти пробежав наружное с двумя гипсовыми львами крыльцо, стал затем проворно взбираться по широкой лестнице, устланной красным ковром и убранной цветами, пройдя которую, он гордо вошел в битком набитую ливрейными лакеями переднюю. Здесь он сбросил с себя свою медвежью шубу и очутился во фраке, украшенном на одном из бортов тоненькой цепочкой, унизанной медальками и крестиками. Из передней маленький господин, с прежней гордой осанкой, направился в очень большую залу с хорами, с колоннами, освещенную люстрами, кенкетами, канделябрами, — залу с многочисленной публи-

¹ ...большую комету. — Речь идет о комете Галлея, периодичность которой была открыта знаменитым астрономом *Эдмундом Галлеем* (1656–1742) в 1682 г. До этого появление кометы Галлея было отмечено в 1531 и 1607 гг.

² Пошевни — широкие сани, обшитые внутри лубом или тёсом.

кой, из числа которой пар двадцать, под звуки полковых музыкантов, помещенных на хорах, танцевали французскую кадрили. Около стен залы сидели нетанцующие дамы с открытыми шеями и разряженные, насколько только хватило у каждой денег и вкусу, а также стояло множество мужчин, между коими виднелись чиновники в вицмундирах, дворяне в своих отставных военных мундирах, а другие просто в черных фраках и белых галстуках и, наконец, купцы в длиннополых, чуть не до земли, сюртуках и все почти с огромными, неуклюжими медалями на кавалерских лентах. Словом, это был не более не менее, как официальный бал, который давал губернский предводитель дворянства, действительный статский советник Петр Григорьевич Крапчик, в честь ревизующего губернию сенатора графа Эдлера. Наш маленький господин, пробираясь посреди танцующих и немножко небрежно кланяясь на все стороны, стремился к хозяину дома, который стоял на небольшом возвышении под хорами и являл из себя, по своему высокому росту, худощавому стану, огромным рукам, гладко остриженным волосам и грубой, как бы солдатской физиономии, скорее старого, отставного тамбурмажора¹, чем представителя жантильемов². Как лицо служащее, Крапчик тоже был в вицмундирном фраке и с анненской лентой на белом жилете. Увидав приближающегося к нему маленького господина, он воскликнул:

— Наконец-то вы, Егор Егорыч, приехали!

— Дела, все дела! — отвечал тот скороговоркой.

И при этом они пожали друг другу руки и не так, как обыкновенно пожимаются руки между мужчинами, а как-то очень уж отделив большой палец от других пальцев, причем хозяин чуть-чуть произнес: «А.. Е..», на что Марфин слегка как бы шикнул: «Ши!». На указательных пальцах у того и у другого тоже были довольно оригинальные и совершенно одинакие чугунные перстни, на печатках которых была вырезана Адамова голова с лежащими под ней берцовыми костями и надписью наверху: «Sic eris»³.

— Катрин, разве ты не видишь: Егор Егорыч Марфин! — сказал с ударением губернский предводитель проходившей в это время мимо них довольно еще молодой девице в розовом креповом, отделанном валяньсе-кружевами платье, в брильянтовом ожерелье на груди и с брильянтовой диадемой на голове; но при всем этом богатстве и изяществе туалета девица сия была как-то очень аляповата; черты лица имела грубые, с весьма заметными следами пробивающихся усов

¹ Тамбурмажор — старший барабанщик.

² Жантильом — от *франц. gentllhomme* — дворянин.

³ «Таким будешь» (*лат.*).

на верхней губе, и при этом еще белилась и румянилась: природный цвет лица ее, вероятно, был очень черен! Впрочем, все эти недостатки ее скрашивались несколько выразительными и почти жгучими глазами и роскошными черными волосами. Особа эта была единственная дочь хозяина и отчасти представляла фамильное сходство с ним. Сам господин Крапчик, по слухам, был восточного происхождения: не то грузин, не то армянин, не то грек.

— Как я рада вас видеть, monsieur Марфин! — произнесла Катрин, слегка приседая.

Марфин, с своей стороны, вежливо, но сухо ей поклонился. Катрин после того пошла далее — занимать других гостей.

— А граф приехал? — спросил Марфин хозяина.

— Давно приехал!.. Вон он разговаривает с Клавской!.. — отвечал тот, показывая глазами на плешивого старика с синей лентой белого орла, стоявшего около танцующих, вблизи одной, если хотите, красивой из себя дамы, но в то же время с каким-то наглым и бесстыжим выражением в лице. Марфин несколько мгновений смотрел в показанную ему сторону чрез свой двойной лорнет. Во все это время Клавская решительно не обращала никакого внимания на танцующего с нею кавалера — какого-то доморощенного юношу — и беспрестанно обертывалась к графу, громко с ним разговаривала, рассуждала и явно старалась представить из себя царицу бала. Сенатор, в свою очередь, тоже рассыпался перед ней в любезностях, и при этом своими мягкими манерами он обнаруживал в себе не столько сурового жреца Фемиды¹, сколько ловкого придворного, что подтверждали и две камергерские пуговицы на его форменном фраке.

— Стало быть, мне правду говорили, что он пленился этой госпожой? — спросил Марфин губернского предводителя.

— Через неделю же, как приехал!.. Заранее это у них было придумано и подготовлено, — произнес тот несколько язвительным голосом.

— Но кем?

— Нашим общим с вами другом.

— Губернатором?

— Конечно!.. Двоюродная племянница ему... Обойдут старика совершенно, так что все будет шито и крыто.

— Нет-с, нет!.. Я не допущу этого!.. — проговорил хоть и шепотом, но запальчиво Марфин.

— Пожалуйста, пожалуйста! — упрашивал его губернский предводитель. — А то ведь это, ей-богу, ни на что не похоже!.. Но сами вы лично знакомы с графом?

¹ Фемиды (древнегреч. миф.) — богиня Правосудия.

— В глаза его никогда не видал! — отвечал Марфин.

— Угодно вам, чтобы я вас представил?

— Хорошо.

Между тем кадрили кончилась. Сенатор пошел по зале. Общество перед ним, как море перед большим кораблем, стало раздаваться направо и налево. Трудно описать все мелкие оттенки страха, уважения, внимания, которые начали отражаться на лицах чиновников, купцов и даже дворян. На середине залы к сенатору подошел хозяин с Марфиным и проговорил:

— Ваше сиятельство, позвольте вам представить: полковник Марфин! Последний заметно старался более обыкновенного топорщиться.

Сенатор весьма благосклонно протянул ему руку.

— Мне об вас очень много говорили министр внутренних дел и министр юстиции! — прибавил он к тому.

— Да, они меня знают! — отвечал почти небрежно Марфин.

Сенатору, кажется, не понравился тон его ответа. Не сказав ему более ни слова, он пошел далее и в первой же небольшой гостиной, где на нескольких столиках играли в карты, остановился у одного из них. За столиком этим, увы! — играл — обреченная жертва ревизии — местный губернатор, тоже уже старик, с лошадиною профилею, тупыми, телячьими глазами и в анненской¹ ленте. Когда к нему приблизился сенатор, на лице губернатора, подобно тому, как и на лицах других чиновников, отразилось некоторое смущение и затаенная злоба. Сенатор стал смотреть на игру.

— Вы очень рассеянно играете: вам следовало ходить с бубен! — заметил он губернатору.

— Я вообще дурно играю! — отозвался тот, сиясь улыбнуться.

— В таком случае, остерегитесь: Михайло Сергеич отличный игрок! — продолжал сенатор, разумея под этим именем своего правителя дел, с которым губернатор играл в пикет.

— Какой я нынче, ваше сиятельство, игрок, особенно в пикет! Со службой совсем разучился! — отвечал правитель дел, сухопарый, или, точнее сказать, какой-то даже оглоданный петербургский чиновник, с расчесанными бакенбардами, с старательно вычищенными ногтями, в нескольких фуфайках и сверх их в щегольском белье.

Фамилия его была Звездкин, а чин — действительный статский советник. В петербургском чиновничьем мире он слыл за великого дельца, но вместе с тем и за великого плута. Его нарочно подсунили из министерства графу Эдлерсу, так как всем почти было известно, что

¹ Аннинская орденская лента представляет собой красную ленту, имеющую окаймление желтого цвета по бокам.

почтенный сенатор гораздо более любит увлекаться вихрем светских удовольствий, чем скучными обязанностями службы; вследствие всего этого можно было подозревать, что губернатор вряд ли не нарочно старался играть рассеянно: в его прямых расчетах было проигрывать правителю дел!

Посмотрев еще несколько времени на игру, граф пошел далее в следующую большую гостиную. Хозяин дома, бывший, должно быть, несмотря на свою грубоватую наружность, человеком весьма хитрым и наблюдательным и, по-видимому, старавшийся не терять графа из виду, поспешил, будто бы совершенно случайно, в сопровождении даже ничего этого не подозревавшего Марфина, перейти из зала в маленькую гостиную, из которой очень хорошо можно было усмотреть, что граф не остановился в большой гостиной, исключительно наполненной самыми почтенными и пожилыми дамами, а направился в боскетную¹, где и уселся в совершенно уединенном уголку возле m-me Клавской, точно из-под земли тут выросшей.

— Опять уж парочкой! — шепнул предводитель Марфину.

— О, дурак, старый развратник! — пробормотал тот с досадой и с презрением.

— Да! — протянул предводитель. — Не такого бы по нашим делам нам надобно прислать сенатора.

В ответ на это Марфин пожал плечами и сделал из лица мину, как бы говорившую: «Но где ж их взять, когда других и нет?»

— Но скажите, по крайней мере, — не отставал от него предводитель, — не привезли ли вы каких-нибудь известий о нашем главном деле?

— Никаких и много! — отвечал своим обычным отрывистым тоном Марфин.

По лицу губернского предводителя пробежало любопытство, смешанное как бы с некоторым страхом.

— Мое нетерпение, ей-богу, так велико, — начал он полупшепотом и заискивающим голосом, — что я умолял бы вас теперь же сообщить мне эти известия.

— Но здесь нельзя говорить об этом!.. Надобно уйти куда-нибудь! — возразил ему Марфин.

— Это очень легко сделать: прошу вас пожаловать за мной, — подхватил предводитель и, е сенатора, провел Марфина через кабинет и длинный коридор в свою спальню, освещенную двумя восковыми

¹ Боскетная — гостиная (обычно в богатом особняке, усадебном доме и т.п.), стены которой расписаны под парковые пейзажи.

свечами, стоявшими на мозаиковом с бронзовыми ободочками столике, помещенном перед небольшим диванчиком.

Пол спальни был покрыт черным ковром с нашитыми на нем золотыми как бы каплями или слезами. По одной из стен ее в алькове виднелась большая кровать под штофным пологом, собранным вверху в большое золотое кольцо, и кольцо это держал не амур, не гений какой-нибудь, а летящий ангел с смертоносным мечом в руке, как бы затем, чтобы почившему на этом ложе каждоминутно напоминать о смерти. Передний угол комнаты занимала большая божница, завершавшаяся вверху полукуполом, в котором был нарисован в багрянице благословляющий бог с тремя лицами, но с единым лбом и с еврейскою надписью: «Иегова». Под ним висели иконы, или, точнее сказать, картины религиозного содержания: Христос в терновом венке, несущий крест с подписью: «nostra salus» (наше спасение); Иоанн Креститель с агнцем и подписью: «delet peccata» (вземляй грехи мира) и Магдалина в пустыне с подписью: «roenitentia» (покаяние). По боковым стенкам божницы представлялись чисто какие-то символы: на правой из них столб, а около него якорь с пояснением: «spe et fortitudine» (надеждою и твердостью); а на левой — святая чаша с обозначением: «redemptio mundi» (искупление мира). Но, собственно, икон православного пошиба не было ни одной. Перед божницею светилась и опять тоже не столько лампадка, а скорее лампа с зеленым зонтиком спереди. Таким образом, вся эта святыня как будто бы навеяна была из-чужа, из католицизма, а между тем Крапчик только по-русски и умел говорить, никаких иностранных книг не читал и даже за границей никогда не бывал. Далее на стене, противоположной алькову, над огромной рабочей конторкой, заваленной приходо-расходными книгами, счетами, мешочками с образцами семян ржи, ячменя, овса, планами на земли, фасадами на постройки, висел отлично гравированный портрет как бы рыцаря в шапочке и в мантии, из-под которой виднелись стальные латы, а внизу под портретом подпись: «Eques a victoria»¹, под которою, вероятно, рукою уж самого хозяина было прибавлено: «Фердинанд, герцог Брауншвейг-Люнебургский, великий мастер всех соединенных лож».

Введя гостя своего в спальню, губернский предводитель предложил ему сесть на диванчик. Марфин, под влиянием своих собственных мыслей, ничего, кажется, не видевший, где он, опустился на этот диванчик. Хозяин все с более и более возрастающим нетерпением в лице поместился рядом с ним.

¹ «Всадник-победитель» (лат.).

— Значит, нет никакой надежды на наше возрождение? — заговорил он.

— Никакой, ни малейшей! — отвечал Марфин, постукивая своей маленькой ножкой. — Я говорю это утвердительно, потому что по сему поводу мне переданы были слова самого государя.

— Государя?.. — переспросил предводитель с удивлением и недоверием.

Марфин в ответ утвердительно кивнул головой.

Сомнение все еще не сходило с лица предводителя.

— Мне повелено было объяснить, — продолжал Марфин, кладя свою миниатюрную руку на могучую ногу Крапчика, — кто я, к какой принадлежу ложе, какую занимаю степень и должность в ней и какая разница между масонами и энциклопедистами, или, как там выражено, волтерьянцами, и почему в обществе между ими и нами существует такая вражда. Я на это написал все, не утаив ничего!

Предводитель был озадачен.

— Но, почтенный брат, не нарушили ли вы тем наш обет молчания? — глухо проговорил он.

Марфин совершенно вспетушился.

— Это вздор-с вы говорите! — забормотал он. — Я знаю и исполняю правила масонов не хуже вашего! Я не болтун, но перед государем моим я счел бы себя за подлеца говорить неправду или даже скрывать что-нибудь от него.

Все это Егор Егорыч произнес с сильным ударением.

— Это, конечно, на вашем месте сделал бы то же самое каждый, — поспешил вывернуться губернский предводитель, — и я изъявляю только мое опасение касательно того, чтобы враги наши не воспользовались вашей откровенностью.

— Это уж их дело, а не мое! — резко перебил его Марфин. — Но я написал, что я христианин и масон, принадлежу к такой-то ложе... Более двадцати лет исполняю в ней обязанности гроссмейстера... Между господами энциклопедистами и нами вражды мелкой и меркантильной не существует, но есть вражда и несогласие понятий: у нас, масонов, — бог, у них — разум; у нас — вера, у них — сомнение и отрицание; цель наша — устройство и очищение внутреннего человека, их цель — дать ему благосостояние земное...

— Хорошо, хорошо! — начал уж похваливать предводитель.

— Знания их, — продолжал Марфин, — более внешние. Наши — высшие и беспредельные. Учение наше — средняя линия между религией и законами... Мы не подкапыватели общественных порядков... для нас одинаковы все народы, все образы правления, все сословия и